МЕРТВЫЙ ГОРОДОКЪ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

А ЧТО ХОДЯТЪ суда на Грумантъ и тѣ суда ходятъ Выгорѣцкія и не токмо на тотъ на пустынный островъ ходятъ, а и въ Маточкиномъ Шару тюленя бьютъ и бѣльца, и въ Обскую губу для того своего промысла заходятъ и по берегу Студенаго моря соль варятъ и сало топятъ и отъ тѣхъ судовъ государевой казнѣ великій авантажъ бываетъ, а отъ промысловъ таковый же",—отписывали архангельскіе воеводы на Москву и на Питеръ, когда этотъ послѣдній занялъ мѣсто первой.

Вспоминая эти отписки воеводскія, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда наконецъ мнѣ удастся покончить дѣла въ Повѣнцѣ и отправиться въ давно желанный Данилозскій монастырь, извѣстность и значеніе котораго были такъ велики и считались на столько опасными для государства, что рѣшено было въ началѣ пятидесятыхъ годовъ силою закрыть „это гнѣздо раскола и недовольства".

Ѣхалъ я, что называется со всѣми онерами, т. е. снабженный разными открытыми листами и въ компаніи съ знатокомъ тамошняго края, который извѣстенъ былъ и своими работами и своею популярностью чуть ли не во всей Олонецкой губерніи; даже и женатъ то былъ мой компаньонъ на одной изъ воспитанницъ бывшей „Лексинской академіи". Чуть забрежжило утро—лошади подкатили къ моему крыльцу. Гостинницъ въ Повѣнцѣ не имѣется, а останавливаются всякіе гуляющіе люди тамъ, гдѣ Богъ пошлетъ и гдѣ найдется сердобольная душа, которая захочетъ пріютить ихъ; на потребу знатныхъ и оффиціальныхъ лицъ имѣются, такъ называемыя „чиновничьи квартиры", которыя впрочемъ, когда злая судьбина не загонитъ въ Повѣнецъ какого либо генерала отъ того или другаго министерства, охотно уступаются и простымъ путешественникамъ, изрѣдка сюда являющимся. Вотъ на такой то „фатерѣ" я и стоялъ, благо генералы,

въ числѣ цѣлыхъ трехъ, только что передъ моимъ пріѣздомъ покинули Повѣнецъ. Хозяинъ мой сначала было дичился меня, но потомъ самъ оказался имѣющимъ постоянныя связи съ Даниловымъ, а ужъ супруга его и вовсе, какъ „дама", была расположена къ старой вѣрѣ. Хоть и нездоровилось, хоть и рано еще было, а надо было отправляться въ путь. „Сіи непроходимыя дебри и пустыни" — носилась у меня въ головѣ вычитанная откуда то тирада о привыгорѣцкихъ мѣстахъ; „негостепріимная природа сихъ мѣстъ, а также и недоброжелательство жителей", вспоминалась мнѣ фраза изъ отчета какого то чиновника, на который я случайно набрелъ въ такъ называемомъ „раскольничьемъ отдѣленіи". Пожалуй, и ѣсть будетъ нечего, думалось мнѣ, а потому я и заѣхалъ по пути къ мѣстному „Елисѣеву", роль котораго здѣсь въ Повѣнцѣ не безъ успѣха разъигрываетъ лавочка „повѣнецкаго общества потребителей". Набралъ я въ лавочкѣ разныхъ консервовъ и часу въ шестомъ утра выѣхалъ наконецъ изъ того богоспасаемаго града, куда человѣкъ попасть можетъ или ради „исканія въ нѣдрахъ земли" или по постановленію суда о ссылкѣ въ мѣста не столь отдаленныя. Прытко бѣжали лошаденки, которыхъ ямщикъ даже и не трогалъ своею „погонялкою". Вотъ окончилась повѣнецкая мостовая, которой ни въ какомъ иномъ городѣ ни на Руси, ни во всемъ мірѣ, не отыщешь, такъ какъ сдѣлана она „мѣстными средствами" изъ опилокъ, взятыхъ съ повѣнецкаго пильнаго завода; вотъ проскакали мы и мимо производителя этого новаго матеріала для мостовыхъ,—пильнаго завода; влѣвѣ осталась знаменитая печь отъ построеннаго руками Петра, Алексѣевскаго завода, начались и „дебри и пустыни".

Прекрасная дорога; ямщикъ, желающій, какъ и всякій другой русскій человѣкъ, получить на водку; прелестная мѣстность съ поминутно блистающими по сторонамъ озерками и вырѣзывающимися изъ за сосенъ голыми діоритовыми сельгами,—все это мало походило на „пустыню", въ особенности, когда стали на каждыхъ пяти верстахъ попадаться кресты съ навѣсами—признакъ сѣвернаго русскаго человѣка, крестящагося истово, двухперстнымъ сложеніемъ и до сихъ поръ еще не оставившаго Екатерининскій счетъ на семисотенныя версты. Лѣсъ разошелся въ стороны, открылась полянка, а на полянкѣ — сельбище человѣческое, которое и назвать то нельзя ни деревнею, ни селомъ: церкви нѣтъ, а есть лишь заколоченная часовня, которую оффиціальный языкъ не признаетъ церковью и такое селеніе селомъ не называетъ. Это колонія все той же богатой и сильной метрополіи—Даниловскаго монастыря, о которой вмѣстѣ съ другими я поговорю ниже, Габсельга, низведенная теперь на степень бѣдненькой деревеньки, а когда то бывшая богатымъ селомъ на пути изъ Данилова въ Пигматку—главную гавань монастыря, кишѣвшую когда то судами выгорѣцкими. Еще другихъ семнадцать верстъ и потянулась новая деревня съ тѣмъ же точно видомъ „проклятія и

запустѣнія", какой лежитъ на всѣхъ вообще бывшихъ колоніяхъ Даниловскаго общежительства. Когда русскій человѣкъ селится гдѣ нибудь на всей своей волѣ, когда „глазокъ-смотрокъ" опекунствующаго начальства не слѣдитъ за каждымъ его шагомъ и не требуетъ отъ него ни „засыпанія въ общественные магазины", ни „обсаживанія ветелками улицъ", то какъ то такъ случается, что русскій человѣкъ не только не является завалящимъ малолѣткомъ, а напротивъ того представляетъ изъ себя самаго разумнаго хозяина: и избу себѣ строитъ не по нашему, не свиной котухъ, и запашку дѣлаетъ тщательно и старательно, и безъ „общественныхъ магазиновъ" всегда имѣетъ вдосталь хлѣба, и лѣса бережетъ, и вообще является не съ разбойническими пріемами земледѣлія, а ведетъ дѣло такъ, что и нѣмцу въ пору. Такимъ то своеобразнымъ хозяиномъ явился на сѣверѣ монастырь Соловецкій, умѣнью котораго и до сихъ поръ удивляются путешественники; такимъ же точно разумнымъ и безопечнымъ хозяиномъ былъ и древній раскольничій монастырь Выгорѣцкій, вмѣстѣ съ порушеніемъ котораго порушено было и благоденствіе цѣлаго края.

Андрей Денисовичъ, князь Мышецкій, одинъ изъ основателей Выгорѣцкихъ общежительствъ, получилъ хорошее по тому времени образованіе и, какъ сообщаетъ поморское преданіе, прослушалъ даже курсъ въ Кіевѣ; въ Москвѣ онъ тоже учился, но здѣсь наука показалась ему слишкомъ недостаточною, сравнительно съ лекціями воспитанныхъ на католическихъ основахъ кіевскихъ профессоровъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ исторія этого дѣйствительно талантливѣйшаго руководителя совершенно не изслѣдована, а тѣмъ не менѣе несомненно заслуживаетъ подробнаго изученія. Въ то же время Андрей Денисовичъ былъ и хорошимъ хозяиномъ; съ такимъ умѣньемъ устроилъ онъ монастырскую жизнь, что монастырь благоденствовалъ, пока не постигла его бѣда; умный организаторъ очень хорошо понялъ, что на сѣверѣ не мыслимо централистическое хозяйство и что слѣдуетъ попробовать примѣнить въ этихъ мѣстахъ систему полной децентрализаціи и фермерской самостоятельности; дѣло было подходящее: всѣ рвались уединиться „въ пустынѣ", а потому Андрей Денисовичъ и успѣлъ въ самое короткое время колонизировать весь юговосточный и сѣверовосточный уголъ нынѣшняго Повѣнецкаго уѣзда отдѣльными фермами, гдѣ населеніе не было, конечно, односемейнымъ, а состояло изъ 3—10 иноковъ или постниковъ и трудниковъ; другія фермы населены были женщинами и предназначались спеціально для разведенія скота, такъ что сѣно и овесъ или привозились сюда съ другихъ фермъ, или же накашивались являвшимися сюда на опредѣленный срокъ трудниками. Жизнь этихъ иноковъ, постниковъ и трудниковъ, была несомнѣнно полна трудовъ и заботъ, такъ какъ земля требовала самой тщательной обработки, что называется, до состоянія зубнаго порошка, но за то монастырь всячески старался не только вполнѣ обез-

печить ихъ существованіе, но даже и обставить ихъ такъ, какъ конечно они дома никогда обставлены не были; и обуты они были прекрасно, и ѣли всегда хорошо, а потому и понятно, что народъ отовсюду сходился въ Даниловскій монастырь поработать „Успѣнью Пресвятой Владычицы". По уставу того же Андрея Денисова полагалось напримѣръ: „новыя шубы раздавать братіи и трудникамъ на пять лѣтъ, кафтаны—на три года, крашенинные балахоны—на четыре года. кожанъ—на десять годовъ, штаны—на три года, шапки—на три года, преобувки—на четыре года"; понятно, что на носку рубахи срока не полагалось никакого и все зависѣло отъ умѣнья носить одежду такъ, чтобы она служила по возможности дольше. На обѣдъ полагалось обыкновенно три блюда: горячее, рыбное и мучное, причемъ, за недостаткомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ допускалось замѣнять эти явства и молочными явствами; очень понятно, что въ воскресенье и въ праздничные дни столъ былъ еще лучше и поневолѣ возбуждалъ въ приходящихъ богомольцахъ желаніе подольше поработать на такихъ добрыхъ харчахъ. Когда хозяйство отдѣльныхъ скитовъ или фермъ разросталось въ значительной степени, скиты эти сами собою преобразовались въ вассальныя отъ Даниловой пустыни деревни, все еще управляемыя нарядникомъ, поставленнымъ соборомъ старѣйшихъ иноковъ; весь уставъ скитскій соблюдался во всей своей чистотѣ въ такой вновь образовавшейся деревнѣ, съ запрещеніемъ отдѣльнаго стола, съ безпрекословнымъ повиновеніемъ старшимъ. Такою деревнею, образовавшеюся изъ скита, была и Габсельга и другая станція по направленію отъ Повѣнца къ Данилову—Тихвиноборская. Какъ ни дружно однако работали трудники монастырскіе, хоть и раздѣлывали они землю въ порошокъ, а все же мачиха—природа не могла роскошно вознаградить ихъ трудовъ и общежительству ежегодно приходилось покупать муку въ Вытегрѣ и иныхъ мѣстахъ, куда ее доставляли съ „Низу". Еще въ 1731 году задумалъ Семенъ Денисовичъ, братъ Андрея Мышецкаго, устроить гдѣ нибудь по Онежскому озеру пригодную пристань; выборъ его палъ на Пигматку, которая представляла собою наиболѣе удобствъ, какъ по близости своей къ монастырю, такъ и по устройству близьлежащихъ береговъ; плотники были свои, да и Симеонъ, видимо, зналъ дѣло и въ годъ времени они „устроиша пристань и оукрѣпиша сваями и иглами съ самаго толстаго лѣса и навозиша каменія полны срубы и мостъ на всю плотину намостиша и на мостъ великія бревна толстыя и каменіе большіе повалиша и оукрѣпиша добрѣ и судамъ пріѣзжимъ велій покой и отишіе бысть отъ бурь вѣтряныхъ".

И представлялись мнѣ эти цвѣтущія деревни, эта кипящая работою пристань, эта доподлинно изумительная обработка земли, этотъ строгій во всемъ порядокъ, всеобщая грамотность, массы переписываемыхъ книгъ, собственныя соловарни, тюленьи промыслы, поѣздки на Новую Землю и на Грумантъ, это умное, живое, смирное, трезвое и пребы-

вающее въ довольствѣ населеніе,—когда ямщикъ снялъ шапку, помолился и сталъ затѣмъ заворачивать въ какое то странное сельбище человѣческое,—не то село, не то городъ.

„Подайте милостыньку Христа ради!“ вопили бѣгущіе за телѣгою мальчики, дѣвочки и даже взрослые, рваные, грязные, назойливые...

„Эхъ вы, други!“ разразился пьяный голосъ изъ-за ближайшей избы и прибавилъ непечатное слово...

Что же это? думалось мнѣ;—куда же это попалъ я? и здѣсь все таже нищета и тоже проклятое слово, раздающееся по всей Россіи и указывающее на дикость и грязь.

„Ишь псковичи-то!“ молвилъ ямщикъ, „съ измалѣтства пріучаются; отецъ сквернословитъ пьяный, а пареньки наровятъ ему же на косушку выпросить“. И вспомнилъ я тутъ, что когда разогнали старцевъ и старицъ изъ Данилова и Лексы, порушили своеобразное созданіе русской жизни, то оказалось, что „за выбытіемъ старожиловъ“ остались массы превосходно обработанной и изъ году въ годъ удабриваемой земли, которую некуда было дѣвать; тутъ на грѣхъ приключился въ Псковской губерніи такой годикъ, который и прямо бы можно назвать голоднымъ, но все же слывшій лишь „малоурожайнымъ“; а потому заботливое начальство и порѣшило переселить голодающихъ на чужими руками обработанную землю; сказано—сдѣлано! поразрушили псковичи подъ прикрытіемъ становыхъ приставовъ нѣсколько зданій Даниловскихъ, иногда заставляя работать на себя оставленныхъ въ монастырѣ стариковъ, усѣлись на новыхъ мѣстахъ... да и запили въ заливущую. Лѣнь, развратъ и пьянство завелись тамъ, гдѣ въ былыя времена царило трудолюбіе, скромность и трезвость... Начальство не подумало о развращающемъ вліяніи даровщины и сознанія своего могущества въ сравненіи съ угнетенными старожилами и псковичи пропадаютъ пропадомъ, кормясь лишь тѣмъ, что подадутъ имъ богомольцы, да тѣ же старцы, на чьихъ спинахъ они сначала поѣздили.

Засѣрѣлась высокая колокольня; вокругъ ея обрисовались какіе-то странные двухъ и трехъ этажные дома, потянулся длинный, бревенчатый заборъ, откуда-то потянуло сосною; телѣга подкатилась къ крылечку бывшей „гостинной избы“ и я очутился въ „мертвомъ городкѣ“.

Ранымъ рано проснулся я отъ свѣта; словно захотѣло солнышко приголубить тѣхъ, кто здѣсь живетъ волею или неволею, и тѣмъ окупить какъ бы краткое лѣто; такъ и било солнышко въ окна, а подъ окнами какіе-то голоса протяжно выводили какую-то невозможную заунывную мелодію; поглядѣлъ я за окно и накрылъ цѣлую толпу оборванныхъ ребятишекъ, которые на голосъ увѣряли, что всѣ они сироты, что имъ нечего ѣсть, что тятьку „ведмѣдь зарѣзалъ“, что мамку „лихоманкою перекосило“, что погорѣли они и что Богъ

несомнѣнно пошлетъ царствіе небесное моимъ родителямъ, которые однако, въ ту пору умирать еще и не думали. Откуда ни взялся старикъ-сторожъ гостинный и прогналъ непрошенныхъ гостей батогомъ, объясняя мнѣ на ходу, чтобы я „не изволилъ безнокоиться... потому все врутъ... ужъ такая ихъ псковская натура".

— Большакъ пришелъ—желаетъ васъ видѣть! заявилъ намъ все тотъ же сторожъ, внося въ горницу самоваръ и ставя его на столъ вмѣстѣ съ теплою, парною еще бабою на блюдѣ.—Они же бабку принесли—просятъ кушать на доброе здоровье.

— Проси, конечно, проси! загорячился я, такъ какъ Иванъ Михайловичъ человѣкъ не простой, а ни больше, ни меньше, какъ Даниловскій игуменъ, а по здѣшнему большакъ, лицо, пользующееся крайнимъ почетомъ среди всѣхъ послѣдователей поморскаго согласія, человѣкъ, котораго знаютъ и на Бѣломъ морѣ и на Волгѣ рѣкѣ-матушкѣ.

Въ комнату вошелъ высокаго роста старикъ съ умнымъ и пріятнымъ лицомъ, съ сѣдою, какъ лунь, головою и бородою, въ длинной черной одеждѣ въ родѣ кафтана, убранной, начиная отъ шеи и до пола мелкими серебряными пуговицами; для благодати темя его было пострижено, но видно было, что не долго ему придется постригать луговинку для сошествія благодати, такъ какъ скоро голова его оплѣшивѣетъ и тогда путь для благодати откроется свободный. На лицѣ его были написаны не то страхъ, не то недоумѣніе; вся фигура его выражала какую-то готовность поклониться, съёжиться, а при случаѣ и по нуждѣ даже и „припасть къ ногамъ и слезно умолять о негубительствѣ"; видно часто приходилось въ старое время старику разыгрывать роль просящаго, если во всей фигурѣ его такъ и сказывалась какая-то приниженность и нѣмая мольба. Густо заросли его брови, а изъ-подъ нихъ смотрѣли добрые и умные глаза, которые, казалось, такъ и пронизывали насквозь новаго человѣка и, казалось, такъ и высматривали глумитель и опекатель пріѣхалъ, или же простой человѣкъ.

— Садитесь, говорю,—Иванъ Михайловичъ, гостемъ будете!.

Сѣлъ какъ-то осторожненько, точно наровилъ быть на готовѣ и въ случаѣ чего словно намѣревался поскорѣе сорваться съ мѣста и „съ припаденіемъ къ ногамъ умолять слезно" о томъ, чтобы перестали надругиваться надъ его сѣдинами. Какъ ни воздерживался старикъ отъ разговора, тѣмъ не менѣе чай сдѣлалъ свое дѣло на половину, а другая половина его недовѣрчивости побѣждена была моими словами. Вообще на сѣверѣ, собственно говоря, весьма легко сойтись съ жителями, если только вы не представляете изъ себя „лицо", присланное для поддержанія основъ; поговорите съ хозяиномъ по душѣ, выпейте съ нимъ стаканчиковъ по 6—8 этого благодѣтельнаго напитка для всероссійскаго „эксперта отъ наукъ", изъ уваженія просто лишь къ неизвѣстнымъ вамъ привычкамъ хозяевъ не вынимайте и

не закуривайте папиросы, еще лучше, если вы дадите понять, что дѣлаете это изъ уваженія къ обычаямъ, похулите по крѣпче прижимку 54 года, разрушеніе старинныхъ безпоповщинскихъ центровъ. разубѣдите всѣхъ въ томъ, что вы присланы кѣмъ бы то ни было и докажите лишь, что вы просто на просто человѣкъ, сочувствующій никакъ не „мамаямъ“, а угнетаемымъ,—и тотъ же самый, до той поры скрывавшійся передъ вами, человѣкъ сдѣлается до нельзя сообщителенъ, подбодритъ всю семью къ разговору съ вами, притащитъ вамъ на показъ старинную рукопись, вытащитъ изъ завѣтнаго уголка какую нибудь древнюю икону, всячески старается угостить васъ и успокоить, толкуетъ, горячится, разсуждаетъ, споритъ; не пройдетъ и одного часа, какъ въ комнату является и баба, хвастающая передъ вами, что она кончила курсъ „въ Лексинской академіи“, и мальчуга. которые читаютъ вамъ, учатъ васъ писать полууставомъ и уставомъ. хохочутъ надъ вашею не умѣлостью—однимъ словомъ, вы стали ихъ другомъ, ихъ „своимъ человѣкомъ“, желаннымъ гостемъ и всѣ „объ васъ понимаютъ“; а къ отъѣзду такъ и знайте, что подъ вашимъ сидѣньемъ окажутся и рябчиковъ парочка, и мамуры лукошко, а то и картинка, изображающая „древо многочестно“ или „птицу Сирина“, которую потихоньку отъ тятьки и мамки подсунулъ вамъ вашъ новый другъ, будущій “стоятель за истовую вѣру“, какой нибудь пятнадцатилѣтній Семушка. Да и вы сами такъ хорошо чувствуете себя въ этомъ славномъ, умномъ народѣ, что вамъ жалко разставаться съ нимъ при отъѣздѣ и горько становится на душѣ, что тотъ же народъ не живетъ по всему лицу земли русской. Все тутъ какъ-то по иному, словно и не по родному: и домъ, въ которомъ вы только что были, большой, чистый, уютный, все въ немъ хорошо, хозяйственно и хозяева одѣты порядочно, во всемъ видна чистоплотность и стремленіе къ прекрасному; все смотритъ какъ-то веселѣе и живѣе, во всемъ чуется мысль, работаютъ мозги, живутъ, однимъ словомъ, люди, а не тотъ несчастный „народъ“, который мы привыкли видѣть въ центральной и даже южной Россіи. Но неволѣ придется задуматься надъ этою бросающеюся въ глаза разницею въ бытѣ и развитіи того же самаго народа и приходятъ на умъ разныя мысли, которыя стоило бы собрать для объясненія вообще нашей странной русской жизни. Вспоминаются мнѣ тутъ слова одного заонежанина, который на вопросъ мой, какъ они живутъ и отчего живутъ они богаче другихъ русскихъ людей, не задумываясь, отвѣчалъ мнѣ: „Всѣмъ мы богаты, однимъ только бѣдны, да тѣмъ же и богаты“. Оказалось, что никогда у нихъ не было помѣщиковъ! А съ другой стороны приходитъ въ голову и иное еще обстоятельство:—живетъ русскій человѣкъ грязный, и сопатый, и лѣнтяй, и голъ, какъ соколъ; вдругъ, откуда ни возьмись, явился въ мѣстности какой-то несуразный человѣкъ, который по кабакамъ не ходитъ, разговоръ ведетъ „по божественному“, совѣтуетъ не ругаться, не драться, а молиться и къ попамъ не ходить; все равно.

кто этотъ человѣкъ, безпоповецъ, поповецъ, хлыстъ или молоканинъ—народу и дѣла нѣтъ до его вѣры и частностей; горе и нужда толпами гонитъ людей въ слушатели и ученики несуразнаго человѣка и моментально совершается, какъ по мановенію волшебнаго жезла, чисто сверхъ-естественная перемѣна; изъ неряхъ люди дѣлаются чистоплотными, изъ лѣтняевъ трудолюбцами и изъ голытьбы достаточными. Достаточно русскому человѣку сдѣлаться послѣдователемъ той или другой секты и онъ измѣняется до корня, такъ что иногда, въ моментъ откровенности, даже администраторы толкуютъ о томъ, чтобы побольше народа переходило въ расколъ. Никогда не забуду я задушевнаго слова одного изъ тѣхъ, которые были нарочно поставлены отъ начальства на то, чтобы пропагандировать православіе среди раскольниковъ и носили громкое названіе „миссіонеровъ"; человѣкъ этотъ отлично изучилъ поморское согласіе безпоповскаго толка, сжился съ раскольниками и, пожалуй, самъ, не смотря на свою рясу, скорѣе выглядѣлъ безпоповцемъ.—„Эхъ славно бы было для Россіи", воскликнулъ однажды этотъ истинно почтенный человѣкъ,—„кабы всѣ православные въ расколъ перешли!"

Пошли мы съ большакомъ поглядѣть „вертоградъ Христовъ", — бывшій Даниловскій монастырь, отъ котораго въ настоящее время остались лишь однѣ развалины. Весь Даниловъ занималъ когда то площадь въ 6 — 8 квадратныхъ верстъ, если считать мужской монастырь вмѣстѣ съ женскимъ; все это обширное пространство было окопано глубокимъ рвомъ, по ту сторону котораго возвышался высокій заборъ, сдѣланный изъ забранныхъ въ затесы полубрусьевъ; никто не имѣлъ права выходить изъ ограды или входить въ оную, не испросивши на то разрѣшенія большака, который одинъ могъ разгуливать, гдѣ ему угодно, не отдавая никому отчета, кромѣ своего духовника—Симеона Мышецкаго, а по смерти его „честнаго его образа". Отъ всей ограды въ настоящее время остались лишь одни ворота, помѣщающіеся почти напротивъ гостинницы. Всѣ постройки въ Даниловѣ были деревянныя двухъ и трехъ этажныя и такой своеобразной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и оригинально-красивой архитектуры, что смѣло могли бы украшать собою не только улицы какого нибудь мѣстнаго городка, но даже и любого сѣвернаго губернскаго города; видимо, свѣта боялись жители Даниловскіе и не потому, чтобы они вообще не охотники были до свѣта Божія, а потому лишь, что творилось у нихъ дѣло не дозволенное и считавшееся опаснымъ,—молились они не Іисусу, а Исусу, крестились двуперстіемъ и „аллилуйю" повторяли лишь два раза, а не три; словно бойницы какія выглядываютъ эти маленькія окна на улицу и такъ и кажется, что за окномъ стоитъ зоркій наблюдатель и высматриваетъ, не ѣдетъ ли какой непутевый человѣкъ, и слушаетъ, не услышитъ ли роковаго полицейскаго колокольчика. И часто заглядывали сюда, не смотря на всякія предосторожности, разные ревнители православія въ ботфортахъ и вицъ-мундирахъ, благо славился Данн-

ловъ своими серебряными рублями самодѣльными, а Лекса — своими бѣлицами красивыми и рыбниками съ палтусиной. И рубли Даниловскіе и бѣлицы Лексинскія много надѣлали хлопотъ обоимъ монастырямъ, да и до сихъ поръ еще ходитъ про нихъ слава по всему Обонежью и Поморью и вводитъ въ искушеніе всякихъ охотниковъ до того и до другаго и заставляетъ искать однихъ въ нѣдрахъ земли. другихъ по наземью. И до сихъ поръ еще среди мѣстнаго населенія повторяется на всѣ лады всякому пріѣзжему доподлинное увѣреніе, что гдѣ то на сѣверо-востокъ отъ Данилова, въ тундрѣ имѣются залежи серебряной руды; Даниловскіе жители знали эти мѣста, добывали въ нихъ руду и употребляли ее на выдѣлку разныхъ серебряныхъ вещей и въ особенности рублей, на манеръ Екатерининскихъ. Рубли Даниловскіе славились по всему сѣверу и въ обращеніи стоили даже нѣсколько дороже настоящихъ, такъ какъ выдѣлывались изъ чистаго серебра, безъ примѣси какой бы то ни было лигатуры; при торговыхъ сношеніяхъ своихъ съ русскими, норвежцы всегда старались получить въ уплату за свой товаръ по больше рублевиковъ и даже просто покупали ихъ изъ барышей для продажи въ казну на выдѣлку риксдалеровъ. Многіе отдѣльные скиты Даниловскаго монастыря, а также и многіе изъ его жителей, занимались выдѣлкою рублей и вещей серебряныхъ, но, не имѣя конечно хорошей подготовки, должны были по неволѣ довольствоваться старинными образцами и при томъ употребляли чрезвычайно характерный, но въ то же время и крайне первичный способъ обработки. Случилось однако такъ, что начальство почему то возгорѣлось желаніемъ отличиться и изловить „фальшивыхъ монетчиковъ“; наѣхали изъ Петербурга особо важные чиновники, нашумѣли, наругали, назаушали; всѣхъ изловили по той простой причинѣ, что никто не думалъ, да и трудно было скрываться, и всѣ виновные съ чадами и домочадцами были выселены въ Тарбагатай, для „удобнѣйшаго имъ пути къ разработкѣ столь цѣннаго металла въ мѣстахъ гдѣ оный по шихтмейстерскимъ объявкамъ въ изобиліи находиться долженъ“. Острословіе XVIII вѣка сказалось отчасти и въ этомъ нелѣпомъ рѣшеніи и власти успокоились на лаврахъ, „искоренивши столь вредный государственнымъ интересамъ промыселъ“, не подумали только объ одномъ, а именно, что, вмѣстѣ съ выселеніемъ знающихъ людей, пропали и слѣды той мѣстности, гдѣ руда добывалась. Толкуютъ мѣстные жители, что и до сихъ поръ еще кое когда вдругъ выплываетъ какая нибудь новая серебряная вещица, но, слѣдуетъ признаться, что всѣ эти вещи далеко не высокопробны и, по всѣмъ вѣроятіямъ. просто представляютъ собою новѣйшія переливки старинныхъ сломанныхъ вещей; на одной изъ несомнѣнно новыхъ серебряныхъ застежекъ мы сами видѣли шрамъ, оставшійся отъ сломаннаго пополамъ образца, вслѣдствіе самаго способа отливки. Особаго умѣнья тутъ не требуется и для всей выдѣлки нужны лишь березовые наросты, да крѣпкая бичева: прежде всего наростъ этотъ

разрѣзается пополамъ и затѣмъ до размягченія вываривается въ водѣ; затѣмъ между двумя половинками нароста клали обыкновенно образецъ, перевязывали обѣ половинки туго на туго бичевкою и просверливали не большую дырочку, послѣ чего форму на сухо высушивали, развязывали бичевку, вынимали образецъ, снова связывали обѣ половинки и вливали въ нихъ расплавленный металлъ. Роскошнѣйшіе складни, самыя разнообразныя и вычурныя пуговицы, казавшіяся филигранной работы, дѣлались именно такимъ образомъ.

Не меньше толковъ возбуждали и бѣлицы Лексинскія; воспитанныя въ холѣ и безъ нужды, стараго новгородскаго типа, онѣ дѣйствительно представлялись чрезвычайно красивыми. Нѣкоторыя большухи „страха ради іудейска“ подсылали ихъ къ наѣхавшему коммисару и становому, дабы смягчить его сердце; но всѣ росказни о какомъ то особенномъ развратѣ, царившемъ на Лексѣ, рѣшительно не имѣли никакого основанія. Не выходя замужъ, женщины не могли, конечно, отказаться вовсе отъ любви, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы онѣ развратничали то съ однимъ, то съ другимъ, и ихъ узы были, пожалуй, по дѣйствительнѣе узъ оффиціальнаго брака, такъ какъ здѣсь сходились люди между собою по любви и расходились опять совершенно свободно.

— „Когда пришло мамаево-то раззоренье“, со смѣхомъ сквозь слезы разсказывала намъ почтенная старушка—Лексинская большуха Ѳедосья Анисимовна, — „такъ и зарычалъ княжикъ то (жандармскій офицеръ князь Мышецкій, по странному стеченію обстоятельствъ, приходившійся однимъ изъ потомковъ рода Андрея Денисовича): „Кажи, старуха, прудъ! и таково меня ножкой толкнулъ, а я, батюшка, все въ ножкахъ валялась со старушками... одну такъ каблучкомъ старушку въ високъ и до смерти зашибли... Ваше, говорю, княжеское величество, всѣхъ карасиковъ выловили... за обѣдомъ кушать изволите!“—„Другихъ мнѣ, кричитъ, карасей требуется! Вы здѣсь блудницы, вы здѣсь содомницы, вы, говоритъ, дѣтей скидываете, да и живьемъ ихъ въ прудъ швыряете!“ — Такъ я батюшка и пала на земь... — „А!“ шумитъ,— „испугалась!“—„Со сраму“, я то ему,—„со сраму, княжикъ, что предъ иконами и при насъ старицахъ, ты такія слова говоришь!“ Пхнулъ только меня опять каблучкомъ, а только ничего мнѣ старухѣ за мои слова не сдѣлалъ. Прудокъ-то спущали и косточки было нашли... обрадовались таково, да потомъ разсмотрѣли: кости-то собачьи... а у насъ за годъ Жулька изъ гостинной околѣла,—съ бѣшенныхъ глазъ въ прудъ залѣзла“.

И сколько такихъ разсказовъ приведется услышать отъ словоохотливой большухи, которая и до сихъ поръ безъ слезъ и безъ содраганія не можетъ говорить о мамаевомъ раззореніи, а также и отъ большака, который говоритъ толково, словно лѣтописецъ какой.

Съ планомъ, приложеннымъ къ „Исторіи Выговскаго общежительства“, въ рукахъ вошелъ я въ сопровожденіи большака въ ограду и

сердце мое болѣзненно сжалось. Повсюду раззоренье, повсюду слѣды прежняго величія и нынѣшняго запустѣнія; я — одинъ изъ представителей тѣхъ, кто разрушилъ этотъ живой и живительный центръ русской жизни, а подлѣ меня идетъ тотъ, кто видѣлъ, какъ „наши“ раззоряли, заушали, глумились, издѣвались; старикъ тогда изстрадался—пришла и моя очередь. Мы вошли прямо черезъ главныя или „возачьи“ ворота, такъ какъ другія „пѣшеходныя“, какъ значатся они въ описаніи Филипова, давно сломаны и вмѣстѣ съ оградою пошли на постройку избъ для псковскихъ переселенцевъ. За нами отъ самой гостинницы волоклась толпа псковскихъ ребятишекъ, которымъ большакъ, видимо любимый этою рваною командою, раздавалъ какіе-то бублики; едва подошли мы къ воротамъ, какъ вся толпа остановилась и дальше уже не пошла—видно и въ этихъ еще неосмысленныхъ головахъ вкоренилось уже чувство уваженія къ этой тихой развалинѣ, къ этому мертвому городку. Большакъ только усмѣхнулся, понявъ вопросъ, выразившійся въ моемъ взглядѣ.

— Тоже, понимаютъ! проговорилъ онъ.

И до сихъ поръ еще подлѣ самыхъ воротъ, вправо находится двухэтажная „возачья изба“, а подлѣ нея помѣщалась „нижняя возачья“, сгорѣвшая уже послѣ погрома монастырскаго; „возачьими“ избы эти назывались потому, что здѣсь жили возчики монастырскіе, которыхъ было довольно много; по всѣмъ вѣроятіямъ, возчики ближніе обитали въ ближайшей къ воротамъ избѣ, а въ нижней поселены были тѣ, которые поддерживали сообщеніе съ „Низомъ“, т. е. съ Рыбинскомъ и Волгою; понятно, что въ центръ монастыря впускать возчиковъ вообще не годилось, такъ какъ это были люди мірскіе, быть можетъ даже и не принадлежавшіе къ безпоповщинскому согласію, хотя и вполнѣ преданные своимъ хозяевамъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывалъ намъ большакъ. Тутъ же сейчасъ за „возачьими“ избами помѣщались 4 обширныхъ конныхъ двора съ теплыми помѣщеніями, которые были на столько удобны и чисты, что „въ пору любому русскому жить“, заявилъ старикъ, который, хотя несомнѣнно не считалъ себя инородцемъ, однако же всегда, говоря о никоніанахъ, и никоніанской Россіи употреблялъ выраженія: „русскіе и Россія“; Теперь уцѣлѣли только три изъ этихъ построекъ, но и онѣ находятся въ такомъ положеніи, что не сегодня, такъ завтра обвалятся и провѣрить слова старика о роскоши помѣщеній не было, конечно, возможности; съ монастырскимъ добромъ вѣдь не церемонятся, такъ какъ послѣ „мамаева разрушенія“ оно признано было самимъ начальствомъ „res nullius“, а потому и пользуется ею тотъ, кому заблагоразсудится; понадобится псковичу подставка — онъ идетъ, какъ въ свой складъ, разламываетъ крышу и снимаетъ первый вѣнецъ съ избы. Какъ разъ напротивъ конныхъ дворовъ помѣщается огромная двухэтажная изба, занятая во времена монастырской жизни „швальнями портною и чеботной“: здѣсь работало 8 портныхъ и 6

чеботарей, которые обшивали не только всѣхъ монастырскихъ жителей, но работали и на сторону; сапоги Даниловскіе славились по всему сѣверу, вплоть до Холмогоръ, и въ особенности сильно расходились между сторонними покупателями послѣ того, какъ въ число жителей монастырскихъ поступило три человѣка кимряковъ столь извѣстныхъ въ Россіи чеботарей. Не подалеку отъ швальни находится казначейская, а подальше довольно большое трехэтажное зданіе, носившее названіе „большой избы". Въ этой послѣдней избѣ жила братія, точно также, какъ и въ нѣсколькихъ другихъ, подобныхъ домахъ. Въ цвѣтущее время Данилова число братій доходило до 400 человѣкъ, а все населеніе простиралось далеко за тысячу; каждому десятку полагалось находиться подъ началомъ особаго десятника, безъ разрѣшенія и благословенія котораго его подначальные не могли предпринять никакого дѣла, а сами въ то же время подчиняли свою волю большаку, который или самъ рѣшалъ недоразумѣнія или совѣтовался со „старцемъ", лицомъ, вовсе не имѣвшимъ юридически опредѣленной власти, но жизнію своею стяжавшимъ дѣйствительное главенство въ общежительствѣ. Казначей, какъ видно изъ устава общежительства, составленнаго Андреемъ Денисовымъ, завѣдывалъ инвентаремъ момонастыря; ему полагалось въ обязанность беречь монастырское добро не просто лишь какъ общественное имущество, но какъ вещи, принадлежащія „яко бы самому Богу"; конечно такая оговорка не только бы не удержала нашихъ казначеевъ отъ „позаимствованія", но, пожалуй, даже вовлекла бы ихъ въ искушеніе; тѣмъ не менѣе для даниловсвихъ выборныхъ казначеевъ она имѣла значеніе и большакъ увѣрялъ меня, что никогда во всей исторіи монастыря, а онъ ее превосходно знаетъ, не было случая исчезновенія обительскаго добра. Казначей долженъ былъ наблюдать, чтобы ничто не затерялось, чтобы чего нибудь не украли, что на многолюдвѣ несомнѣнно могло случаться, смотрѣть, чтобы братія получала лишь необходимое, не выдавать чего либо лишняго, не положеннаго по уставу; въ то же время ему вмѣнялось въ обязанность входить въ братскія нужды, предусматривать ихъ, и въ отношеніяхъ своихъ къ братіи быть, какъ можно, кротче и любовнѣе, не „рвать съ дубу", какъ дѣлаютъ это наши выдаватели „причитающагося", а „давать легонько и добренько", какъ предлагаетъ Андрей Денисовъ. Всѣ выдачи онъ долженъ былъ производить самъ, отнюдь не поручая этого дѣла кому либо, а тѣмъ болѣе не впуская въ обительскіе чуланы самихъ требующихъ; всякая выдача записывалась въ книгу подъ числомъ и именемъ, такъ что всегда возможно было провѣрить, выслужила ли извѣстная вещь свой срокъ. Съ своей стороны и братіи рекомендовалось относиться къ казначею добропорядочно и „да просятъ не крикомъ и шумомъ, яко готфи (sic) и мірстіи, ниже роптаніемъ, но яко рабы кроткаго Владыки Христа, съ кротостью, да нросятъ кому что нужно". Въ вѣденіи казначея находились и кожевня, и швальни портная и чебот-

ная, и мѣдница; понятно, что дѣла у него было достаточно и день деньской приходилось ему трудиться на пользу общественную.

У „большой“ избы начиналась оградка, сохранившаяся и до сихъ поръ и заключавшая въ себѣ „прикащицкую“, „старцеву“ и „большакову“ избу; всѣ эти изобки помѣщались на холмикѣ такъ, что къ задамъ ихъ примыкало монастырское кладбище, устроенное въ сосновой рощицѣ. Прикащиковъ, собственно говоря, прежде, въ первое время основанія монастыря, не полагалось, но сама жизнь скоро указала на необходимость учрежденія этой должности; въ большаки избирался обыкновенно человѣкъ почтенный, какъ по личнымъ своимъ качествамъ, такъ и по годамъ; понятно, что никогда онъ рѣшительно не могъ углядѣть за обширнымъ монастырскимъ хозяйствомъ, разбросаннымъ на всемъ пространствѣ отъ Сумы на Бѣломъ морѣ до Пигматки на Онежскомъ озерѣ, а потому на соборѣ и рѣшено было учредить прикащиковъ, сначала только въ Сумѣ и въ Пигматкѣ, а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ находилось монастырское имущество. Прикащикъ могъ лишь исполнять большакову волю и безъ его благословенія не могъ предпринять ничего такого, что не было бы ему поручено большакомъ. Всѣмъ извѣстно, какъ лексинскій монастырскій прикащикъ, старица Ирина Полтева, не выдала „мамаямъ“ монастырскаго стада на Пялькѣ. „И смѣхъ былъ мнѣ и горе!“—разсказывала большуха—княжикъ было на нее: „подай ключи отъ скотнаго двора!“ а она ему: „ключей не дамъ — берите силою“. Ворота сломали, а Аринушка только посмѣивается. Они было ей: „не смѣйся!“ а она имъ: „смѣхъ не отъ человѣка, а отъ Бога“. Выгнали они скотину, пересчитали, въ тетрадку записали, а Аринушка имъ: „всю ли взяли?“ „Всю“, говорятъ. „Ну, говоритъ, инъ ладно!“ отошла такъ къ лѣсочку, да и начала: „тпрусь, тпрусь! тпрусь, тпрусь!“ какъ схватятся коровки-то матушки... хвосты вверхъ, да къ ней... А она имъ, какъ прибѣжали они всѣ: „кысь!“ такъ они въ лѣсъ хлынули—только ихъ и видѣли! А Аринушка подошла да и спрашиваетъ: „все ли, говоритъ у васъ цѣло?“—Что тутъ послѣ было? и залилась старуха слезами... А что было? Старуху высѣкли и только. Говорятъ, она денька черезъ 2—3 померла, правда, такъ вѣдь не отъ отеческаго же наставленія ревнителей православія. Въ „старцы“ шли по своей волѣ, а такъ какъ подвижничество ихъ было крайне трудное, то большаго числа охотниковъ на поселеніе въ „старцевой“ избѣ не находилось. Въ большаковой избѣ жилъ большакъ и его послушникъ. Вправо отъ большаковой избы помѣщались раззоренныя теперь „кузнецкая“, „мѣдня“, „городничева“ и „кожевня“ — всѣ выстроенныя въ два этажа, затѣмъ келаревъ амбаръ, „бранная“, „изба Ѳедора“, „поварня“ и „погребъ“, двухэтажная, огромная и свѣтлая больница съ часовнею и наконецъ трехэтажная „грамотная“. Кузнецкая служила, конечно, для мѣстныхъ надобностей, тогда какъ на мѣднѣ производились „дымила“, иконы и кресты, которые расхо-

дились потомъ по всей Россіи и даже Сибири; всѣ эти вещи даниловскаго производства крайне цѣнились по своей тщательной отдѣлкѣ и до сихъ поръ еще можно на Волгѣ тотчасъ же признать Даниловскій складень среди другихъ, продаваемыхъ старьевщиками. Въ городничевой избѣ жилъ „городничій“, который долженъ былъ заявить себя непремѣнно твердымъ въ вѣрѣ, такъ какъ ему чаще другихъ приходилось имѣть сношенія съ міромъ и потому легче было заразиться мірскимъ духомъ; чаще всего на эту должность избирали уже почтеннаго старика, который уже въ силу старости своей не могъ поддаться обаянію мірской прелести. На обязанности городничаго лежало, между прочимъ, наблюденіе за тѣмъ, чтобы у воротъ монастыря постоянно находился на стражѣ кто нибудь изъ сторожей, а также и содержать въ исправности постоянное сообщеніе черезъ Тихвиноборскую и Габсельгу съ Повѣнцомъ и слѣдовательно съ тѣмъ пунктомъ, откуда могла нагрянуть бѣда; тутъ, въ городѣ всегда была возможность узнать о сборахъ или о выѣздѣ начальства, при чемъ тотчасъ же отправлялся гонецъ въ Габсельгу и далѣе, дабы во время предувѣдомить братію о предстоящей бѣдѣ; конечно, при такихъ порядкахъ, не могло начальству посчастливиться накрыть богослуженіе, или что либо подобное, хотя это и не мѣшало ему все-таки брать значительную хабару и затѣмъ, накричавши, а иногда даже и надравшись вволю, возвращаться домой. Въ мірской гостинницѣ, помѣщавшейся за воротами, тамъ, гдѣ и мы остановились, городничій обязанъ былъ наблюдать за тишиною и спокойствіемъ, чтобы тѣ, которымъ разрѣшено было отъ большака остаться на ночь, не имѣли между собою „свары и мятежей“, чтобы въ гостинницѣ „никогда не раздавался смѣхъ, кощунство, брань и сквернословіе“: всякаго приходящаго въ гостинницу человѣка онъ долженъ былъ распрашивать, кто онъ и, если оказывалось, что посѣтитель бѣглый, то городничему вмѣнялось въ обязанность не отказывать ему вовсе въ пріютѣ и пищѣ, но „братолюбне по обычаю препокоить и напитать, яко же и прочихъ и, тако упокоивъ ихъ съ любовію, да отпуститъ“. Такимъ образомъ всѣ розсказни о регулярномъ пристанодержательствѣ и укрывательствѣ бѣглыхъ въ Даниловѣ сводятся къ плодамъ фантазіи становыхъ и исправниковъ, такъ какъ мы видимъ, что оба эти преступленія, предусмотрѣнныя закономъ, предусматривалъ и Андрей Денисовъ и предлагалъ удалять бѣглыхъ изъ монастыря, конечно, не ночью и не тотчасъ по ихъ приходѣ въ монастырь и не голодныхъ, а поступивши съ ними такъ, какъ предписываетъ христіанское человѣколюбіе. Понятное дѣло, что если въ гостинницу наѣзжали такіе люди, которые благодѣтельствовали монастырю, то такихъ „питателей братскихъ и милостивцевъ“ городничему предлагалось не оставлять во внѣшней гостинницѣ а передавать во внутреннюю, верхнюю гостинницу и „покоить ихъ сколь можно и съ честію отпустить“. На его же обязанности лежало наблюдать за порядкомъ и благочиніемъ во время

божественной службы, а также и за тѣмъ, чтобы братія не лѣнилась, не уклонялась отъ богослуженія и непремѣнно являлась на всякую службу въ часовню, онъ долженъ былъ знать и помнить, кто въ какой живетъ кельѣ, какъ себя ведутъ въ кельяхъ, не ссорятся ли и вообще не дѣлаютъ ли какихъ либо не идущихъ монашествующимъ дѣлъ. Само собою разумѣется, что полное воздержаніе достигалось весьма плохо, а потому практичный Андрей Денисовъ и вмѣнилъ въ обязанность городничему строго наблюдать, чтобы юные отнюдь не жили съ юными, а стараться юношей селить съ отжившими свой вѣкъ стариками. Такимъ образомъ обязанности городничаго были крайне сложны, хлопотливы и щекотливы, но кому еще болѣе дѣла было, такъ это келарю, имѣвшему особую келью при упомянутомъ нами „келаревомъ амбарѣ“. На его рукахъ лежало все внутреннее монастырское хозяйство и онъ долженъ былъ наблюдать за трапезною, хлѣбенною, поваренною и больницею. Въ виду того, что монастырь обладалъ большими средствами, и келарь кормилъ братію такъ, какъ, конечно, дома не ѣстъ русскій крестьянинъ, Андрей Денисовъ очень заботился о порядкахъ монастырскихъ и потому въ своихъ уложеніяхъ помѣстилъ цѣлое росписаніе яствъ на всякіе дни въ году, чураясь, какъ и подобаетъ, при „ангельскомъ житіи“ совершенно мяса. Въ воскресенье полагалось напримѣръ къ обѣду три блюда или пищи, какъ онъ выражается: „рыбники, шти и каша съ масломъ по обычаю“; къ „ужинѣ двѣ пищи: шти и млеко; а еще гдѣ ловится рыба довольно, да предлагаютъ рыбы по малу“. Все это варьируется, конечно, сообразно съ постными днями и съ „недѣльницею“, т. е. со временемъ отдыха отъ тяжкихъ работъ, со временемъ года и наконецъ съ мѣстностью, но во всякомъ случаѣ, видимо, сытымъ быть можно, а если принять во вниманіе отпуски хлѣба вволю и молока тоже безъ мѣры, то житье въ Даниловѣ и не одному лишь какому нибудь воронежскому мужику можетъ показаться раемъ. Авторъ устава крайне былъ озабоченъ тѣмъ, что бы пища распредѣлялась пропорціонально труду, причемъ келарю вмѣнялось въ обязанность знать, кто именно изъ братій былъ на трудныхъ работахъ, чтобы дать ему лишненькаго; вообще „масла, егда полагаютъ въ каши въ братствѣ, полагаютъ въ четыре чаши по единому фунту“, но едва наступало рабочее время, какъ въ силу распоряженія Денисова, клали въ три чаши по фунту. Денисовъ терпѣть не могъ аристократизма, привиллегированности и т. п., а потому даже и въ уставѣ о пищѣ мы видимъ его заботы о равенствѣ между всѣми членами братства. „Пристроекъ же стряпчихъ“, говоритъ онъ, „какъ пирожныхъ, такъ и налитушныхъ и прочихъ таковыхъ на службахъ отнюдь не стряпать, нодъ опасеніемъ жестокаго запрещенія (на годъ безъ причастія); ужасающимся своевольства грѣха, по отеческому писанію, все безъ благословенія творимое грѣхъ есть; и масла въ каши на верхъ кромѣ воображенныхъ дней (упомянутыхъ выше: господскіе и храмовые празд-

ники) не полагать, а наипаче того келареви смотрѣть должно, дабы никто не имѣлъ особыхъ какихъ пищей, какъ прежде бывало, что всякій въ своемъ сосудѣ свое масло, и смѣтану, и ягоды принося, одинъ безстудно ястъ другимъ смотрящимъ". Въ особенности славился Даниловъ умѣньемъ печь булки изъ пшеничной муки, которыя кромѣ того, что потреблялись на мѣстѣ, расходились въ огромномъ количествѣ по всей Россіи въ качествѣ благословеннаго хлѣба среди безпоповцевъ Поволжья и центральныхъ губерній. Сильно досталось Даниловцамъ за эти булки! рьяные охранители православія изъ нѣмцевъ и поляковъ, въ качествѣ становыхъ приставовъ, въ пылу своего усердія порѣшили, что булки эти „тайное причастіе" и пошло писать! Плели все возможное и невозможное: тутъ была и кровь ягненка, и кровь младенцевъ и другая чепуха, а того не поняли, что, чествуя святость Данилова, русскій человѣкъ могъ относиться съ почтеніемъ и къ простому бѣлому хлѣбу, испеченному въ священномъ мѣстѣ, какъ почитаетъ благословенный хлѣбъ и Троицы-Сергія, Кіева и другихъ мѣстъ. Въ помощь келарю для внѣ монастырскаго хозяйства избирался урядникъ или нарядчикъ, которому были подчинены всѣ „работные люди"; онъ смотрѣлъ за земледѣліемъ плотничествомъ, ковачествомъ, рыбными ловлями, возачими, мѣльницами, скотнымъ дворомъ, а также и за всякою домовою работою. Никогда не было опредѣлено, что такіе-то изъ братіи должны заниматься такою-то работою, именно для того, чтобы не было споровъ о тяготѣ несомаго труда; на всякую особую потребу совѣтомъ старцевъ избирались особые люди изъ братіи, которые, покончивши работу, возвращались въ монастырь и прямо съ рыбной ловли могли быть назначены для сбора въ лѣсу ягодъ. Этотъ совѣтъ старцевъ, имѣвшій громадное значеніе во всѣхъ дѣлахъ монастырскихъ, состоялъ изъ духовниковъ; всѣ братья и сестры обязаны были избирать себѣ духовныхъ отцовъ, которымъ и исповѣдывали „вся сокровенная своя" по четыре раза въ годъ; исповѣдь эта совершалась не тайно, а напротивъ того при открытыхъ дверяхъ и на виду у всѣхъ, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы рѣчей духовника и исповѣдающагося не было слышно. Понятное дѣло, что не всегда духовники отвѣчали требованіямъ монастырскаго устава и, пользуясь правомъ своимъ посѣщать женскую половину, поминутно бѣгали туда совсѣмъ для иныхъ цѣлей; уже Денисовы видѣли, что тутъ быть грѣху, а потому и постановили, чтобы „духовные отцы навѣщали ностницъ по 4 раза въ годъ, а кто чаще будетъ бесѣдовать на единѣ съ постницами, кромѣ смертныя вины, повиненъ будетъ соборному запрещенію". Конечно и это не помогало, такъ какъ цѣлый рядъ мѣръ былъ направленъ къ тому, чтобы какъ нибудь остановить сношенія братіи съ женщинами женской половины; по всѣмъ вѣроятіямъ случалось нерѣдко, что духовники то платьицемъ, то иною обновочкою, радовали и благодарствовали своихъ духовныхъ дщерей за какія-то невѣдомыя послуги,

о которыхъ конечно они никому не разсказывали, а потому въ уложеніи Денисовыхъ мы и встрѣчаемъ правило, въ силу котораго отцы духовные не должны были слишкомъ усердно заботиться о постницахъ, о „потребахъ ихъ не промышлять, крашенинъ, суконъ и прочихъ, какъ одежныхъ, такъ и съѣстныхъ потребъ имъ не доставлять“... Какъ бы то ни было, но святые отцы все же не могли „плоть распяти со страстьми и похотьми“ и потому было время, когда большинство братіи имѣло любушекъ на женской половинѣ; конечно все это дѣлалось прикрыто, но никто, собственно говоря, и не думалъ особенно строго преслѣдовать подобныя отношенія, такъ какъ всякъ понималъ, что „плоть немощна“; и даже на уложенія Денисовыхъ приходится смотрѣть лишь какъ на нѣкоторую регламентацію, которая должна была лишь отчасти обуздывать населеніе Данилова. Конечно никто не имѣлъ права „въ предѣлахъ постницъ пищи принимати и нощь провести“ кромѣ лишь соборныхъ братій, да и этимъ послѣднимъ давался совѣтъ „безвременныхъ и долгихъ бесѣдъ съ постницами особливо наединѣ весма ошаяти изъ опасенія претыканія и соблазна слабыхъ и благоразумнаго стыда церковныхъ и соборныхъ запрещеній“. Видимо постницы крайне заботили Денисовыхъ такъ какъ мы находимъ въ уложеніи ихъ цѣлый рядъ мѣръ, клонящихся къ тому, чтобы „соблюсти ихъ дѣвическій чинъ“, да кстати и старцевъ не ввести въ соблазнъ; благодаря такому стремленію, мы видимъ, что Денисовы предписываютъ, чтобы „одежды постницъ были простыя, изъ простаго чернаго сукна или крашенины, а китайчатыя, киндачныя, бомбарековыя и иныя однорядочныя и яренковыя“ никогда не могутъ быть надѣваемы постницами; на головѣ онѣ должны были носить самый простой китайчатый черный треухъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ строго воспрещалось ношеніе „пуховъ бобровыхъ выдряныхъ и иныхъ“, а рекомендовались „шубы овчинныя, сшитыя, приличныя пустынному житію и общежительскому благочинію; у „дѣвическаго чина“ (изъ кого онъ состоялъ, мы скажемъ ниже) перевязки должны быть „черныя, смиреннаго обычая, покрывала не шелковыя, но простыя, гойтаны у одежды черныя или темно-вышневыя, а не красныя, зеленыя и желтыя“. „Кружевъ и плетеній вязьбенныхъ и прочихъ непотребныхъ украшеній“, предписывалось никому не покупать и не дѣлать самимъ. Наконецъ чтобы еще вѣрнѣе усмотрѣть за дѣвическимъ чиномъ, ихъ отпускали къ роднымъ только лишь въ сопровожденіи старой монахини, а однѣхъ предписывалось „не отпускать ни за чѣмъ на 5 ступеней отъ вратъ монастырскихъ“. Ясное дѣло, что все это нисколько не помогало и молодость брала свое, а отсюда цѣлый рядъ навѣтовъ, что Даниловъ и Лекса представляютъ собою разсадники всяческаго разврата.

Какъ въ Даниловѣ, такъ и въ Лексѣ было нѣсколько особыхъ домовъ, которые строили разные купцы, какъ для пріѣздовъ, такъ и для продолжительнаго проживанія кого нибудь изъ ихъ родни въ

монастырѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелось издавна, что и купечество и крестьянство отдавало своихъ дочерей на Выгъ на воспитаніе; здѣсь онѣ поступали въ такъ называемый дѣвичій чинъ и учились въ „громотныхъ“; ихъ учили шить, вязать, рисовать миніатюры на книгахъ, писать, читать и пѣть; окончивши курсъ, онѣ могли возвратиться въ родительскій домъ, такъ какъ никто ихъ не неволилъ оставаться непремѣнно въ монастырѣ, или же могли и остаться въ монастырѣ на срокъ или на вѣчныя времена.

Посреди ограды стояла высокая колокольня съ часами, а обокъ съ нею и главная часовня, которую не захотѣли разворить, а напротивъ того порѣшили оставить въ назиданіе, устроивши въ ней православную церковь. Тутъ то подлѣ этой часовни и происходилъ главный погромъ: тутъ и били и сѣкли, и обливали холодною водою упорствующихъ, отсюда заставили батожьемъ большака вынести ключи властямъ предержащимъ, и т. п. Около 3,000 рукописей было сожжено на площадкѣ передъ часовней этими новыми варварскими полчищами Омара; массы изрубленныхъ и исковерканныхъ иконъ подверглись той же участи, при чемъ однако драгоцѣнныя каменья и богатыя ризы всѣ тщательно сдирались и затѣмъ уже никогда и неявлялись на свѣтъ Божій. Со слезами на глазахъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ разсказывалъ мнѣ старикъ большакъ объ этихъ грустныхъ и отвратительныхъ событіяхъ... Я вошелъ въ церковь; оказалось, что праздновался Ильинъ день, когда всѣ церкви въ русской землѣ ломятся отъ народа... и что же я увидѣлъ! священникъ въ рваныхъ ризахъ, какая-то темненькая личность, словно урвавшаяся изъ острога, вмѣсто дьячка, да волостной старшина—вотъ и „вси вѣрніи“, которые сочли долгомъ явиться въ этотъ памятникъ православнаго варварства. Священникъ видимо сконфузился и я поспѣшилъ уйти изъ этой празднующей и торжествующей свою побѣду жалкой компаніи.

— Пойдемте-ка лучше къ вамъ, Иванъ Михайловичъ! сказалъ я, выходя къ большаку.

Онъ видимо понялъ, въ какомъ я нахожусь настроеніи и пересталъ разсказывать свои ужасныя воспоминанія.

Живетъ онъ чистенько, уютно, въ двухъ небольшихъ горницахъ; запахъ ладана такъ и билъ въ носъ—вѣдь и ему приходилось справить службу на Ильинъ день. Во всей этой порядочности и чистотѣ видна была несомнѣнная женская рука, но, кромѣ его, никого непоказывалось, а справляться было неудобно.

— А вѣдь вы главнаго то и не видали, сказалъ старикъ послѣ долгой бесѣды,—нашу святыньку не видали—кладбище.

Мы отправились; тутъ за избою большака начиналось кладбище, но мы направились къ выходнымъ воротамъ; я спросилъ, почему не продѣлаютъ тутъ-же калитки и услыхалъ въ отвѣтъ разсказъ, который стоитъ того, чтобы передать его здѣсь. „Послѣ уже, какъ запечатали часовню, совсѣмъ было господа уже закусывать пошли, да спохва-

тился попъ, что съ ними былъ:—ахъ, говоритъ, самую главную ихъ заразу не порушили, могилъ ихнихъ проклятыхъ не тронули. Ужъ каково намъ это слышать было, что про наши могилки, про нашихъ святыхъ мужей такъ говорятъ, и толковать нечего; однако ничего, стоимъ себѣ: кто плачетъ, а кто губы закусилъ — кровь течетъ, а слова не молвитъ. Ведите, кричатъ, насъ, показывайте вашу поганую дохлятину. Словно и не люди, словно креста на нихъ нѣтъ вовсе! Показывать никто не показываетъ, а только, что и показывать, коли кладбище все на юру — само въ глаза кидается! Пришли. Тотчасъ нашли всѣ могилки: и Данилы Викулича, и Андрея и Семена Деонисьевичей.—„Понятыхъ—кричатъ—сюда съ лопатами, да чтобы соху и лошадь нарядить! сбѣгать въ поварню! эй, келарь! давай соли!“ А келарь, какъ стоялъ, такъ упалъ на земь; лежитъ ничкомъ, только кровь горломъ хлынула; толкаютъ этто его ногами, чтобы всталъ, а онъ лежитъ батюшка мертвенькій — знать сердце не выстояло, лопнуло, кровью весь ликъ залило.—„Бѣгите сами въ поварню! живо!“— Кто лопаты тащитъ, кто лошадь нашу же, Сѣрко съ сохою ведетъ, а Сѣрко то упирается, потому что старику у насъ почетъ былъ — стоялъ больше по дряхлости своей и не только что въ соху, а коли кто изъ братіи помретъ, такъ и то его жалѣли, на немъ не возили. А они словно въ безпамятіе вошли, словно обуяло ихъ что: и пошло тутъ то, что и разсказать нельзя словами, слезами вѣкъ не выплачешь, кровью сердечною не онишешь. Плачъ, вой, стонъ, крики, ругань языческая, лязгъ лопатъ... ума помраченье! Такъ, и не помню, что потомъ было... налъ тоже на земь отъ обмороки... Вскопали они наши могилки, вспахали ихъ сохою, посыпали то мѣсто солью и пошли тогда закусывать... Да что! всего не разскажешь! да и больно говорить-то!“ закончилъ старикъ, хватаясь за сердце. Понятно, что предусмотрительные „мамаи“, опасаясь, чтобы „преступники“ снова не стали собираться на „святыхъ могилкахъ“, тщательно заколотили калитку. ведущую изъ монастыря на кладбище и запечали ее казенными печатями... Мы вошли на кладбище со стороны р. Выга, гдѣ заборъ казенными печатями запечатанъ не былъ, а потому и могъ быть пробитъ калиткою или просто разобранъ. Могилы заросли травою, кладбище заглохло, но, когда мы пробрались въ часовенку, выстроенную надъ тѣлами основателей поморскаго толка вообще и Данилова въ особенности и запечатанную во время „мамаева раззоренія“, то запахъ ладана снова поразилъ мое обоняніе.—„Да развѣ здѣсь бываетъ кто нибудь?“ невольно спросилъ я большака.—„Запрещается“, уклончиво отвѣтилъ мнѣ старикъ, но суть отвѣта я прочелъ въ глазахъ его...

Вся область отъ Бѣлаго моря до Онежскаго озера кормилась Выгорѣцкими общежительствами; до сихъ поръ еще путникъ невольно поражается тою домовитостью, чистоплотностью и какъ будто даже достаткомъ, который бросается въ глаза всякому, кто впервые пріі-

ѣдетъ въ эти мѣста; видно тотчасъ, что человѣкъ вышелъ уже изъ состоянія дикости и слѣдовательно безразличности къ своему комфорту и обстановкѣ и старается устроить свое жилище по возможности удобно, чисто, свѣтло и просторно. Грамотность, какъ необходимое послѣдствіе принадлежности къ безпоповству, дѣлала и мужчинъ и женщинъ далекими отъ разныхъ нашихъ народныхъ нороковъ и вела за собою болѣе разумное питаніе, воспитаніе и жизнь; явились здѣсь вслѣдствіе той же грамотности такіе вкусы, которые найти можно лишь среди культурныхъ людей; измѣнился взглядъ на женщину, а слѣдовательно и она могла благодѣтельно вліять на подростающее поколѣніе. Тысячи народа постоянно заняты были на ноляхъ Даниловскихъ, на судахъ, рыбныхъ ловляхъ и промыслахъ — все это существовало монастыремъ и имъ лишь держалось. Благодаря постоянному страху гоненія выработался въ народѣ духъ единенія, сила воли, не сломимая даже передъ смертью, бодрость духа и закаленность, которыя не останавливались ни передъ чѣмъ и вели весь край къ процвѣтанію. Въ самое цвѣтущее время Выголексинскихъ общежительствъ суда постоянно приходили къ Шигматкѣ и отходили отъ нея нагруженныя пушнымъ товаромъ, солью и рыбою; по всему берегу Бѣлаго моря процвѣтало солевареніе и монастыри добывали ежегодно около 50 т. пудовъ соли; суда монастырскія и поморскія рыбачили и въ Бѣломъ морѣ, и въ Ледовитомъ океанѣ, били морскаго звѣря на океанѣ, зачастую заходили на Новую Землю, посѣщали для лова и боя Грумантъ (Шпицбергенъ) и, какъ усиленно свидѣтельствуютъ выголексинскіе историки, нѣсколько разъ заходили даже въ Америку. Жизнь кипѣла въ Поморьѣ, пока не додумались до разрушенія монастырей, отъ чего ждали Богъ вѣсть какихъ благъ для пользы государственной. Рушили „гнѣздо бунтовщиковъ и государственныхъ ненавистниковъ“, отняли у нихъ земли, добро и деньги, ободрали ихъ образа, разхитили ихъ хозяйство, разграбили ихъ книгохранилище и, совершивъ преступное дѣло, почили въ сознаніи исполненнаго долга. А между тѣмъ, кто же эти опасные для государства люди, кто эти злоумышленники и политически вредные агитаторы? Собраніе людей, которые, до сихъ поръ еще не рѣшили доподлинно и все еще спорятъ о томъ, какъ слѣдуетъ понимать надпись на крестѣ: „Ω, О, Н“; одни, основываясь на свидѣтельствахъ разныхъ не менѣе ихъ досужихъ церковныхъ писателей, увѣряютъ, что три эти буквы означаютъ: „отецъ онъ нашъ“; другіе съ неменьшею стойкостью стоятъ на томъ, что слѣдуетъ читать: „оцтомъ онъ напоенъ“, а третьи наконецъ, снова вооружившись фоліантами разныхъ „боговдохновенныхъ“ писателей, которыхъ и наша церковь признаетъ таковыми, усиливаются настоять на своемъ чтеніи: „онъ оскверненъ нашими“... и видя, что ничего не выходитъ путнаго, перескакиваютъ къ подножію креста, видятъ тамъ „два глаголя“ и продолжаютъ читать: „грѣхами сугубо“. Грамотные, трудолюбивые, трезвые, состоятельные, но все еще спо-

рящіе о томъ, что слѣдуетъ служить обѣдню на семи просфорахъ, только два раза повторять „алилуйю“, да и персты складывать такъ, чтобы „все человѣчество согбенно предъ Двуестественнымъ Господомъ Исусомъ“ было,—неужели же это политическіе преступники и опасные для государства люди? Проповѣдники „спасительнаго труда“ и равенства передъ Богомъ обоихъ половъ, люди энергіи, силы воли, развитые (условно), предпріимчивые, молящіе лишь о томъ, чтобы ихъ оставили въ покоѣ—не они ли грозятъ спокойствію нашего отечества?

Часто видался я съ большакомъ и распрашивалъ его про прежнія времена, про тѣ блаженные годы, когда за 3—4 сотенные билета въ годъ полиція не трогала Данилова и довольствовалась лишь не частыми наѣздами ради легенькихъ подарочковъ и приношеній, да ради интрижекъ съ красивыми лексинскими постницами и бѣлицами.—Даниловъ представлялъ собою дойную корову для всѣхъ чиновныхъ и даже не чиновныхъ людей.—„Положеніе у насъ такое было на тотъ счетъ, разсказывалъ большакъ, чтобы пріѣздовъ не ждать, а посылать дачи на домъ начальству. Окружному и 300 и 500 рублей давали, да комисару сходило 300, да мелкимъ разнымъ—подъ тысячу; да чего уже толковать, коли лѣсничій рублей около 200 получалъ!... „Лѣсничій то за что же? изумился я.—„А какъ ты полагаешь вѣдь и онъ тоже начальство. Разъ было Степанъ Михайловичъ большакъ не хотѣлъ давать, заартачился, такъ онъ партію собралъ, цѣпью прокладываетъ, колья ставитъ: „какъ разъ, говоритъ, па вашъ монастырь надо просѣку вести, ломайте, кричитъ ограду! „насилу на пятисотенной тогда помирился, а послѣ опять дачу получать сталъ. Да вотъ хотя бы горные эти, такъ одинъ ухитрился вѣдь сграбить; написалъ куда слѣдуетъ бумагу, что въ самой оградѣ должны быть руды золотыя, получилъ приказанія, пріѣхалъ, да и ну рыть вездѣ... однако, слава Богу, откупились тогда, а его въ скорости въ иное мѣсто перевели. Да всѣ брали, только развѣ мертвый не бралъ... такъ разъ даже и мертвый взялъ“.—„Какъ такъ?“—„Да такъ вотъ! Простаго народа мы никогда не чуждались, а напротивъ того привѣчали всячески простаго человѣка. Вотъ и пришелъ къ намъ разъ, Тихономъ звали; пожилъ сколько ни на есть времени, да Богу душу и отдалъ. Отпѣли мы его, похоронили и живемъ себѣ въ спокойствіи. Разъ вечеркомъ, тройка, другая, третья, весь судъ въ гости, да съ понятыми.—„Гдѣ у васъ Тихонъ Петровъ?“—„Волею, говоримъ Божіею помре“.—„Врете, кричитъ исправникъ,—вы его задушили, потому что онъ православный!“ А исправникъ то разсердивши на насъ былъ, потому онъ дочку замужъ отдавалъ и просилъ у насъ 2,000 руб. на приданое, а мы не дали. Туда, сюда—„вырывайте“, кричитъ, тѣло. Ну вырыли, несутъ его на рукахъ... „Вездѣ, кричитъ, — темно! несите его въ часовню!“ Тутъ мы уже догадались... спасибо о ту пору Зарайскій богатый купецъ на богомольѣ былъ у насъ... заплатилъ 2,000 да 1,000 руб. изъ своей казны выдали. Такъ, что же бы ты думалъ!—„Эхъ, говоритъ, болваны! Я Ти-

хона то еще въ наборѣ примѣтилъ ономнясь, потому докторъ сказалъ, что ему всего можетъ мѣсяцъ жить осталось... къ вамъ его умирать нарочно послалъ... Вотъ теперь тысяченку дочкѣ моей на обзаведеньице и подарили, а то бы эта тысяченка у васъ въ мошнѣ была. Такъ-то вотъ съ насъ мертвецъ и взялъ денежки".

Рано утромъ выѣзжалъ я изъ Данилова по Выгу на монастырской лодкѣ; гребцы истово перекрестились и мы тронулись въ путь. Большакъ стоялъ на берегу и любовно кланялся намъ, словно старинным добрымъ друзьямъ и пріятелямъ... Грустно смотрѣлъ на меня Даниловъ—„Мертвый городокъ", гдѣ такъ еще недавно кипѣла плодотворная дѣятельность.

Говорятъ, что для, такъ называемыхъ, „безвредныхъ" сектъ русскаго раскола наступаютъ лучшія времена, говорятъ, имъ будетъ разрѣшено строить молельни и отправлять богослуженіе, какъ это не возбраняется ни магометанамъ, ни язычникамъ... Возстанетъ ли изъ развалинъ „Мертвый городокъ", несправедливо и безчеловѣчно разрушенный въ годину преслѣдованій?

Владиміръ Майновъ.